ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ОКНА АКАДЕМИЧЕСКОГО РОСТА
ПРИЛОЖЕНИЕ К ИНФОРМАЦИОННОМУ БЮЛЛЕТЕНЮ
№ 5(05), ДЕКАБРЬ, 2012

УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ

В НОВОГОДНЕМ ВЫПУСКЕ О СВОИХ УЧИТЕЛЯХ РАССКАЗЫВАЮТ ВЕДУЩИЕ ПРОФЕССОРА ВЫШКИ — ВАДИМ ПЕТРОВСКИЙ И АЛЕКСЕЙ РУТКЕВИЧ.

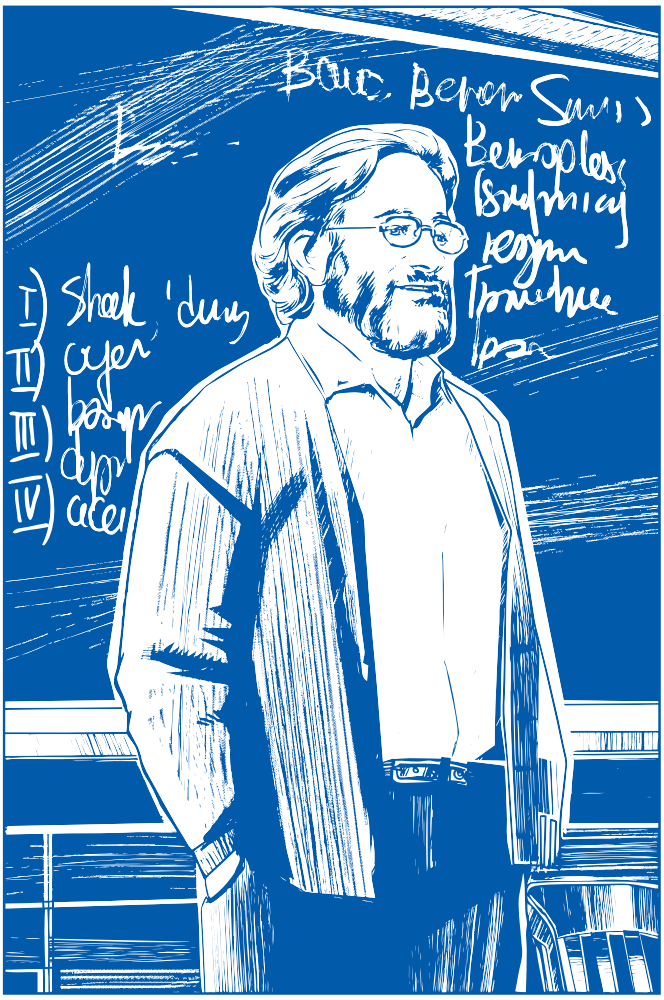
Вадим Петровский, доктор психологических наук, ординарный профессор ВШЭ, заместитель заведующего кафедрой психологии личности

Учитель – сложное понятие. Учителя вообще могут выступать в разных ипостасях, некоторые больше в одной, некоторые – в другой. Например, у меня были учителя-гуру, учителя в науке, учителя по жизни, наставники.

Мой ученический путь начался не в университете, а ещё в математической школе – мехматовской школе при МГУ. Среди тех, у кого я учился, был профессор Юрий Иванович Манин. Совсем молодой человек. Ему тогда было, по-моему, 28 лет. Лауреат Ленинской премии, выдающийся математик. Мировая величина в математике. Гуру! Я эпизодически виделся с ним один на один, но это общение сильно на меня повлияло. Помню, как на одной из лекций он нарисовал два символа, один над другим. Сначала он нарисовал символ «i», мнимое число, а затем над ним ещё одно «i». Получилось «i» в степени «i», и оказалось, что это действительное число. После этого он сказал: «Если вы не ощутите красоты этого выражения, то вам вообще нечего делать в науке и в математике в частности». Потом я сдавал ему экзамен по комплексным числам. Получил «5». Фраза, брошенная о красоте, меня зацепила. Прошло тридцать лет. Я не стал математиком. Я – психолог. Но через 30 лет после окончания математической школы я написал работу: «Алгебра cogito: опыт игры в бисер». По сути, это было посвящение Манину. В этой работе я построил алгебраическую группу, описывающую отношение между разновидностями картезианского «мыслю» («приемлю», «воздерживаюсь», «допускаю», «сомневаюсь»). В этой алгебре как раз фигурировало число «i». Я искал красоту, о которой говорил Манин.

Учителем по жизни была Наталья Васильевна Тугова, она вела литературу в школе. В конце 9 класса я выдал ей сочинение о философских воззрениях Толстого в «Войне и мире». С этим сочинением я потом я выступал в музее Толстого, вместе со студентами-филологами МГУ. Недавно я пролистал тетрадочку с тем сочинением и с удивлением обнаружил, что моя докторская оттуда… Я помню, как однажды Наталья Васильевна пришла в класс, вытащила из сумки учебник по литературе, положила на стол и сказала: «Вот, если я увижу хотя бы одну мысль из этого учебника, вы все получите двойки». Потом она вытащила ещё один учебник и сказала: «Если я увижу мысли из этой книжки, то это будет тройка, и вообще держитесь подальше от учебников литературы». Это был хороший урок! Даже дочки мои «помнят» слова Натальи Васильевны, хотя они никогда не встречались с нею.

Так случилось, что еще школьником я оказался в лаборатории одного психолога, который в гипнозе внушал людям (в том числе и мне), что они Репины, и они рисовали. Это был Владимир Леонидович Райков, одарённейший человек. Надо сказать, я совсем не поддаюсь гипнозу. Так что рисовать-то я рисовал, но в гипнозе не был. Зато я учился у Райкова гипнотизировать. Затем я попробовал гипнотизировать своих сверстников, и у меня получалось. Я стал читать книжки о гипнозе и постепенно увлекся всем психологическим. Я это к тому, чтобы сказать еще об одном учителе. Это мой отец. Он был психологом, автором еще школьных, а потом уже вузовских учебников психологии, историком психологии, социальным психологом, теоретиком и организатором науки, создателем Российской академии образования и её первым президентом. Я ему благодарен за то, что он умел поддерживать мои начинания, помогал мне завершать начатое. Две свои книги я посвятил ему… Никогда не забуду как он неожиданно сказал мне: «Может быть, психология?» И в этот момент, я, увлечённо гипнотизирующий математик, вдруг осознал, что меня интересует именно психология. Она сопоставима по трудности с математикой и физикой.



Это меня вдохновляло. Эйнштейн как-то сказал Пиаже: «Психология! Насколько она сложнее физики!»

Ещё одним моим учителем в школе был Анатолий Александрович Якобсон. Он преподавал нам литературу, читал нам лекции о «подзапретных» Мандельштаме, Пастернаке, Цветаевой. В советские-то времена! Ему принадлежит фраза, которая тоже определённо стала для меня девизом: «Раннего Пастернака я люблю так, что невозможно любить больше, а позднего Пастернака я люблю ещё больше… Через невозможное!» Эта идея о трансценденции – «через невозможное!» – тесно переплетается с моими научными интересами. Дело в том, что я занимаюсь изучением тенденции человека выходить за пределы заданности, выходить за пределы ситуации, трансцендировать. Это стремление человека к краю, к риску, когда человек рискует просто так, рискует, потому что иначе никак. Его тянет риск как таковой, его притягивает граница. Сама граница в силу присущей ей природе является побудительной в отношении активности. В самой границе содержится связь с тем, что находится по ту её сторону. Я как экспериментатор это исследовал и показал, что когда человек имеет возможность рискнуть, но знает, что при этом он ничего не получит взамен, он всё равно идёт на риск. Это и есть неадаптивность, надситуативность, выход за переделы того, что от тебя требуют и того, к чему тебя побуждают. Здесь есть в некотором смысле иррациональная тенденция, которая при этом имеет очень глубокие биологические, социальные и экзистенциальные корни.

…А в университете моим научным руководителем был профессор Алексей Николаевич Леонтьев. Я почерпнул у него мысль о том, что наука – это парадоксальное знание, потому что в науке всегда есть некая видимость и некая сущность, которая противостоит видимости. Вся же прелесть состоит в том, чтобы поймать это парадоксальное несовпадение сущности и явления. Вот этот склад мышления, эта ориентация на поимку нетривиального в видимом мире – это то, чему я у него учился. С ним было очень интересно общаться. Он рассказывал мне о своих встречах с людьми. Я помню его яркие истории о том, например, как он встречался с академиком Павловым.

Недавно я вспоминал, как, будучи студентом четвёртого или пятого курса, всё никак не мог зайти к нему в кабинет (он был там с кем-то, и мне было неловко). Я топтался в неком предбаннике и осторожно заглядывал в дверь. Потом он приглашает меня к себе и говорит: «Вот вы знаете, что самое главное в жизни? Это – активность. Что вы там за дверью стоите? Заходите». А я как раз тогда занимался проблемой активности, неадаптивного поведения, способности действовать в направлении непредрешённого. Ну, думаю, это же «синхронисити» по Юнгу, совпадение двух процессов: моего внутреннего процесса и того, что снаружи. Значит, сам Бог велел заниматься этим по жизни!

Я хорошо помню не только слова, но и мимику, жесты учителей. Они столь многое высказывали своими жестами и восклицаниями, что это было порой гораздо ценнее слов. Так, я помню смех Леонтьева, когда он сталкивался с какими-то занятными парадоксальными фактами. Это был демонический смех. Он смеялся так… он заражал этим смехом, как бы давая понять: видимая жизнь и жизнь внутренняя – совершенно разные жизни.

Ещё Леонтьев в преподавании, учительстве прибегал к провокации. Например, однажды в конце лекции по психологии смысла он сказал такие слова: «Смысл – это и есть, по сути, то, что мы называем идеальным». Потом посмотрел в зал и добавил: «Если вы этого не понимаете, очень жаль». И тут же исчез из аудитории, резко закрыв за собой дверь.

Иногда он приглашал некоторых своих студентов (и меня в том числе) для того, чтобы они давали ему обратную связь, говорили, насколько хороша или плоха была его лекция.

Это умение поставить ученика вровень с собой и даже поставить над – важная часть учительства в моём представлении. Это – настоящий профессионализм. Ощущение от нашего общения с ним было таким, как будто мы немножечко поднимались на цыпочки. Он смотрел на нас так, будто бы мы понимаем его и будто бы годы мы находимся с ним в диалоге.

Мы говорим об учителях, а это имеет прямое отношение к тому, как я понимаю «личность». Человек, как личность, живет не только в самом себе, не только в своём жизненном мире. Он существует в жизненных мирах других людей, инобытийствует в них, идеально представлен и продолжен в других людях. Именно с этой стороны можно и необходимо исследовать то, что мы называем личностью. Когда я однажды понял это, когда вдруг появились сюжеты исследований, в которых можно было уловить это неуловимое инобытие, я подумал: «Надо будет срочно рассказать об этих замыслах Алексею Николаевичу!» В этот момент я впервые ощутил, что Леонтьева больше нет на свете – он умер несколько месяцев тому назад… И все-таки Учителя остаются живыми, когда уходят…

Учителем-гуру стал для меня Эрик Бёрн, транзактный аналитик, чью книжку «Игры, в которые играют люди», я в своё время для себя открыл. Бёрн, как психолог, открыл для меня условность многих запретов, которым мы подчиняемся в жизни, и задолго до наших политических реформ идею: «Что не запрещено, то разрешено!». Я никогда не видел Бёрна. Он всегда был где-то на отдалении, но при этом он очень близок мне. Я чувствую в себе его ученика. На вопрос: «Умер ли Бёрн?», я отвечаю: «Не знаю. Как для кого…»

Среди моих учителей были такие, которые напрямую учили меня уму-разуму. Я их называю «наставниками». Я, честно говоря, никогда не отличался особой адаптивностью, выламывался за пределы ситуации, а эти люди ставили меня на место. С одним из таких людей я работаю и сейчас в Высшей школе экономики. Он для меня и гуру, и учитель психологии, и наставник. Это Владимир Петрович Зинченко, ныне ординарный профессор Вышки. Так вот, я помню, как в юные годы, когда я вовсю исследовал надситуативную активность, буквально носился с нею и сам себя вёл не вполне адаптивно, Владимир Петрович мне веско сказал: «Вадим, только не надо тут надситуативной активности!» (то есть неплохо бы и с окружением посчитаться!). Ещё раз о своём отце. У него я научился находить некий баланс между двумя ипостасями психолога: быть теоретиком, строящим модель действительности, и быть экспериментатором. Пока я не найду экспериментального хода, пока я не выстрою ситуацию, в которой есть некая интрига, ситуацию, в которой я рассчитываю получить неординарные факты, я не могу успокоиться. Я – не математик и не философ. Я – психолог, экспериментирующий с теми реальностями, которые открывает нам философия и которые могут быть математически осмыслены. Меня интересует, например, проблема свободы, но я исследую её как психолог-экспериментатор. Это у меня от отца.

Важное качество для учителя – это учить своего ученика быть учителем. Этому я тоже научился у отца. Важно не вступать в конкурентные отношения со своим учеником. Учитель счастлив, когда ученик достигает большего, чем он сам достиг, пошёл дальше, чем сам учитель. Как когда-то сказал Винокуров: «Художник, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться!»

Алексей Руткевич, доктор философских наук, декан факультета философии ВШЭ, заведующий кафедрой истории философии

Выбор специальности для меня был в какой-то степени случайным. Дело в том, что изначально я собирался поступать на исторический факультет, но в Свердловске, нынешнем Екатеринбурге, где я жил, в то время не было сильного исторического факультета.

Там были хорошо развиты такие направления, как византинистика и археология, но я узнал об этом позже, когда отправился в археологическую экспедицию на раскопки Херсонеса. При этом я не хотел поступать на философский факультет, так как тогда его деканом был мой отец. Тем не менее в то время там был хороший трёхгодичный курс по истории, и вообще на факультете можно было получить неплохое общее образование (не буду говорить о философском, но общее образование действительно было неплохим). Собственно, отец мне и посоветовал поступать на философский факультет, аргументируя это тем, что историей я смогу заниматься и после обучения на нём. Правда, за три года обучения в рамках курса по истории нам хорошо прочитали только историю Византии. К ней, по сути, свёлся полугодичный курс по Средним векам.

Я могу выделить два этапа своего обучения. Сначала я три курса проучился в Свердловске, а потом, когда семья переехала в Москву, продолжил обучение на философском факультете МГУ: писал курсовые работы, занимался историей философии, какое-то время — социологией.

Что касается социологии, то здесь речь шла скорее об истории социологии, так как от занятий непосредственно социологией я отказывался. Это было связано с тем, что у меня были достаточно непростые отношения с собственным отцом на почве идеологических разногласий. При этом он действительно был незаурядным учёным, а затем стал директором Института социологии в Москве. К этому моменту, на старших курсах, я уже твёрдо решил, что буду заниматься только историей философии.

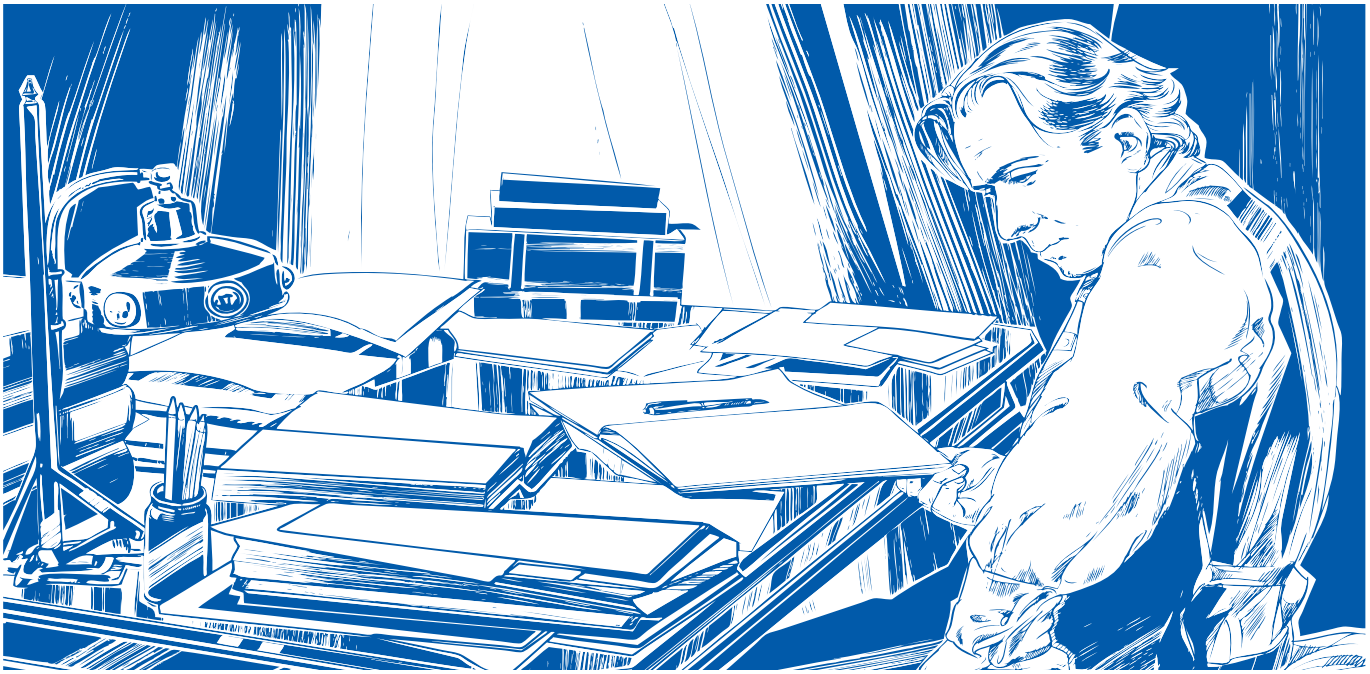
У меня не было Учителя, если это слово пишется именно так, с большой буквы. Конечно, были люди, которые оказали на меня определённое влияние. Сюда можно отнести и профессоров, которые вели у нас некоторые курсы. Такие были как в Свердловске, так и в Москве. Но это ведь другое. Многие называют своими учителями научных руководителей.

Конечно, я благодарен своему научному руководителю, Алексею Сергеевичу Богомолову, но при этом он не оказал большого воздействия на меня как на учёного, хотя в целом общение с ним было для меня очень полезным. Вообще кафедра зарубежной философии была одной из немногих по-настоящему хороших кафедр философского факультета МГУ. Там работал целый ряд профессионалов высокого уровня. Вот как раз одним из них и был Богомолов. Он постоянно собирал у себя аспирантов для беседы, иной раз за бокалом вина. Однако я не могу сказать, что на этих собраниях проходили какие-то серьёзные обсуждения, так как там находились слишком разные люди, аспиранты разных лет. Поэтому в данном случае само общение с ним было полезным, так как он довольно жёстко задавал параметры дискуссии. Его всегда отличало требование жёсткой объективности в отношении историко-философских исследований.

Тему своих исследований я тоже всегда выбирал самостоятельно. Прозанимавшись историей и историей социологии, я на пятом курсе решил выбрать в качестве темы своих исследований испанскую философию.

Отчасти это произошло случайно, а отчасти в результате прочтения ряда текстов Хосе Ортеги-и-Гассета по-английски и по-французски (этими языками я уже тогда неплохо владел). На тот момент я не знал испанского, поэтому позже мне пришлось самостоятельно ставить себе этот язык. Сложно сказать, чем именно меня тогда заинтересовали эти тексты. Чем вообще может заинтересовать крупный философ? Наверное, предложенной проблематикой, постановкой ряда вопросов и т. д. Потом этот интерес стал устойчивым, и я на целый ряд лет сделался испанистом. Работая над диссертацией, я очень много времени провёл в библиотеке, поэтому могу сказать, что меня как учёного сформировали не мои учителя, а в огромной мере работа над текстами.

Богомолов был прекрасным специалистом по немецкой и англо-американской философии и, помимо всего прочего, прекрасным лектором.



Но в то время он занимался античной философией и написал на эту тему неплохие книги. Испанской же философией он специально не занимался, поэтому всё, чем он смог мне помочь, — это дать мне из своей библиотеки пару книг на немецком языке по философской антропологии. Что касается самого текста диссертации, то там он лишь проставил две запятые и вычеркнул полторы страницы, где я обрушился с критикой на какого-то не очень умного отечественного философа. И всё.

Во время обучения в аспирантуре для меня ещё очень полезным было общение с выдающимися учёными — Юрием Николаевичем Давыдовым и Пиамой Павловной Гайденко. Я часто бывал у них дома на протяжении полутора-двух лет. У них самих была в этом время непростая жизненная ситуация. Они были так называемыми «подписантами», то есть подписали одно из писем против того, что выделывала тогда наша власть. Их не исключили из партии (в этом случае их выгнали бы со всех мест и вообще вычеркнули из науки), но вынесли строгий выговор с занесением, что по тем временам означало: любые их карьерные возможности были ограничены.

Они смогли защитить докторские диссертации только тогда, когда выговор был снят. Вот в этот период я с ними общался довольно много. Да, это было для меня в высшей степени полезное общение, потому что они — учёные высокого уровня.

В середине 70-х оппозиционная режиму интеллигенция разделилась на две фракции, одна из которых была либеральной, западнической, а другая — не славянофильской, но более традиционалистской, связанной с православием. Вот как раз в период нашего общения Юрий Николаевич и Пиама Павловна всё больше стали относиться ко второй фракции, и это привело к тому, что они не то чтобы находились в конфликте, но по крайней мере мало общались с кругом людей, который описан Зиновьевым в «Зияющих высотах». А я в то время был откровенным западником, поклонником то ли Ясперса, то ли Поппера. Так что отношения по модели «учитель — ученик» у меня с ними не могли сложиться.

Я знаю, что в это время многие мои коллеги взаимодействовали с учёными высокого уровня, например ходили домой к Лосеву или Ильенкову. У меня же такого почти не было. Это, вообще говоря, черта поколения.

Мы вынуждены были учиться по книгам. Предшествующее моему поколению поколение шестидесятников в ещё большей степени было поколением self-made men, поскольку философия в тридцатые годы была попросту уничтожена.

Резюмируя вышесказанное, я не могу сказать, что многому научился именно у своих учителей. Я понимаю, что нахожусь в рамках определённой традиции, не только российской, но и европейской. Конечно, многие спорят о том, является ли Россия Европой, но, если вы спросите об этом, например, у индуса или китайца, то вы получите однозначный ответ — Европа.

Наша философская традиция со времён западников и славянофилов формировалась под влиянием европейской. Последняя в свою очередь появилась 2,5 тысячи лет назад в полисах Малой Азии (в Милете, Эфесе), то есть так получилось, что Европа рождается в Азии. Европа — это определённый стиль мышления. Европа — это цивилизация, которая связана с наукой. В этой традиции есть своя манера преподавания. Она тоже менялась. В пифагорейском союзе и платоновской академии было одно преподавание, в средневековом университете — другое, третье — в университете времён Канта и Гегеля, четвёртое — в Московском университете, когда там учились Чичерин и Герцен, когда там преподавал Грановский. Осознавая это, ты чувствуешь, что относишься к этой традиции. Поэтому мне сложно сказать, что меня кто-то непосредственно чему-то научил, так как эти люди тоже находились в данной традиции. В какой-то степени я благодарен также тем, с кем я общался, когда жил долгое время за границей. Среди них можно упомянуть, например, Марселя Конша, интересного французского философа и прекрасного знатока античной философии. Если говорить о Германии, то там ещё одним интересным учёным, социологом, с которым я долго общался, был Хансфрид Кельнер. Вполне понятно, что всегда были и есть те, у кого есть чему поучиться. Мы — существа, которые постоянно находятся в коммуникации, и, конечно, по одним только книгам нельзя всему научиться. Однако далеко не все могут сказать, что у них был Учитель. Таковыми вообще следует именовать создателей философской школы — с момента своего возникновения (Милетская школа, элеаты и так далее) философия развивается через смену школ мысли. А я принадлежу к поколению самоучек.

Выпускается НИУ ВШЭ. Редактор Владимир Селиверстов. Иллюстрации Василия Храмова. Корректор Наталия Занегина.
Контакты: okna@hse.ru, (495) 621-4514. Подписаться на рассылку можно здесь: http://okna.hse.ru/subscribe
Дата выпуска: 21.12.2012